

Смятение, верность, возрождение

Историческая повесть

Альфира Ткаченко

Историческая повесть

Смятение, верность, возрождение

1

Ветер не стихал вот уже несколько дней. Тучи бередили душу, дождь шёл шквальной полосой. Днём было так темно, что даже не было видно деревья. Людей почти не было на улице. Солнце ещё не скоро обещало показаться из-за надоевших, вот уже третий день висевших над городом, туч.

Дома погрузились в дождливую темноту. Ставни на окнах закрывали на ночь как обычно, а днём открывали. Но от того, что хозяйки открывали ставни на окнах на день, светлее на душе не становилось вовсе. Дождь хмурился, тяжелели тучи, набрякшие над городом, грозно гудели ветром во всех проулках и переулках, завывая на углах с посвистом. Ветки намокли и клонились над крышами домов. Даже, вечно бегаящие собаки в солнечную погоду по двору, теперь сидели притихшие, боясь выглянуть дальше своей будки, и лениво поглядывали сквозь прикрытые глаза на проливной дождь во дворе.

Вот скрипнула дверь, и пёс поднял голову. Это Марзия вышла на улицу, посмотреть, долго ещё этот проклятый дождь будет шуметь над крышей её дома. Но он не переставал и ещё больше припустил, барабанил по крыше своими крупными каплями и наклонял ранетки, почти до самых цветочных гряд.

Она постояла немного и недовольно ворча, пошла назад, в дом.

- А, опять дождь на улице. Ничего не даёт, проклятый, делать. Как теперь я буду огурцы собирать. Надо бы и помидоры посмотреть. Где вот теперь Гульфина или Рая?

Она развернулась в коридоре, что между двумя комнатами и зашла к сыну, во вторую половину.

- Ну, что, играешь? – спросила она свою внучку Элю, разглядывая принесённую сыном игрушку, - И чего это ты деньги так тратишь-то? Ведь у неё и так игрушек много. Она же опять жвачку у тебя выпросила. Смотри, так и жуёт её, весь стол мне улепила ею. Где только её нет.

- Да, пусть играет. Она ведь маленькая. Ей что, играй, да играй. Места опять в садике нет. Когда ещё будет. А здесь как растёт. Только телевизор, да игрушки и есть. Вся игра.

Марзия постояла ещё немного и пошла в свою половину дома. Дом был поделён на две половины. Когда-то, давно, этот дом принадлежал родственникам Марзии. Но вот уже несколько лет она жила со своим последним сыном, Равкатом, в этом доме. Девки не забывали её. Посещали

часто. Надо что-то поделывать в огороде, пожалуйста. Рая всегда рядом, через дорогу, прибежит:

- Что, ани, надо? – и поставит суп варить или чай подогреть.

А то и сама Марзия себе чаю вскипятит.

Дождь не переставал. Так и хлестал по окнам.

- Ох, что и будет теперь-то. Опять власть меняется. Кто теперь нами править-то будет. Одни наворовали, другие полезли. И что им надо всем. Сколько этот-то, Кустос, был. А в городе всё так же, как и прежде. А мы-то, теперь, как? Рая, посмотри, мне надбавку к пенсии что ли дали? Да вот здесь.

И Марзия показала дочери квиток с начисленной пенсией.

- Ты, смотри, что Сарина дочь принесла. На почитай. Может быть, что не так. И когда это нас только кончат тревожить-то? Ведь живём так уже столько лет. Спокойно. Как раньше хорошо-то было. Придём сюда же, к Шамсинке, Кашафкиной, и сидим, разговариваем. Все были. Весело было. И поговорить-то было с кем. А теперь-то одни, как будто и родни нет.

Рая взяла в руки квитанции с напечатанным текстом и посмотрела:

- А, потом почитаю. Что я, не знаю ничего, что ли? Пусть лежат. Мне некогда их смотреть. Да. Это тебе прибавили вдовские, не то за труженика тыла.

Она развернулась и пошла домой.

Вечером, на горизонте показалась слабая полоска надежды. Солнце показала свой закат яркой красной полосой. Ну, значит, завтра мы тепло увидим, вздохнула Марзия. А сама опять села и телевизор смотрит.

- А, что, ани, бабай-то приходил? Как мечеть-то ставят. Кто помогает хоть?

- Дак, строят, говорит. А кто поможет? Ходят, деньги дают, а всё также. Вот строим, а кому. Ты вон на них посмотри, на детей-то. Им – то разве надо её? Они все мимо мечетей и церквей идут.

- Но ведь они молодые. Им хочется другого. Так ведь и ты росла такая же. Всё с девчонками бегала, играла или песни пели. Сама же говоришь, в избу-читальню бегали. Ну, вот теперь и наши все дети бегают, кто куда. Кто на дискотеку. Кто за компьютером сидит. Кто в школе. И учиться надо тоже ведь.

- А кто же против - то. Учись. А кто бабаю-то поможет? Он один всё крутится, крутится. Как будто ему одному надо. Раньше как. Все собрались и построили мечеть-то, что вот здесь стояла, через дорогу. А сейчас, не дозовёшься никого. Все заняты, - недовольно проговорила Марзия, глядя на сына, которому шёл уже немалый год.

Он был занят дочерью.

- А что Саркина-то дочь пишет?

- О нас. Как мы появились здесь, в Усолье. И что пишет-то. Кому надо это? Вон Зигфридка хор открыл и то хорошо. Придешь, попляшешь, и что ещё надо. А тут, одна писанина. Так ведь ещё и верить не будут. Скажут, что мы соврали всё. А мы ведь много лет хранили всё. Вот и сиди и думай, что ей

ответить. Она вон про болгар каких-то тоже пишет. А кто его знает? Может и права, - она вздохнула, но сидела и смотрела телевизор, как будто эта, Алкина писанина, ей была тяжёлым грузом, - Нас ведь не спрашивали сильно-то. Не согласны веру церковную принять, пошли отсюда и всё. Вот и здесь мы. Кто ругался, а кто и нет. Бунт устроишь, и тебе же наподдадут. Будешь потом сидеть. Ибрагимка-то почти слепой был потом уже. Умрём все скоро. Смотришь, то один туда, то другой. Никому нет дела до похорон даже. Как хоронить и то не знают. Алка, вон приходила, говорит, что мы неправильно даже хороним-то. Надо, говорит, камни – плиты ставить над могилой-то, как у мусульман, настоящих. А мы всё, по-русски.

- А что, мы, не правильно что ли хороним-то? Ведь всегда так хоронили. Молитву отчитаем, а там хаир всем бабушкам и всё. А потом через семь дней поминаем.

- Так вот, говорит, что какие-то учёные писали, что болгары мы. В каком-то 8 веке нам ислам навязали, а мы и живём до сих пор. Все ведь безграмотные были. Вот и сослали нас всех сюда. При царе, Александре. Указ его не выполнили и катитесь к своим, к китайцам-чингизам.

- А что, бунт был? Он ведь был в тридцатом году-то? А она что-то про Ибрагима говорит. Он же раньше прибыл сюда. Это Бектимирка наш пришёл позже. После бунтов, каких-то...

... Собрался народ - татарин на сходку, разговор у них был, серьёзный. Зачитали им указ и все, кто куда. Взбунтовались они.

- Не желаем со своих земель идти в чёрную даль. Где это мы должны теперь жить-то? – кричали мужики старосте, что стоял возле дома.

- А чем мы плохи-то здесь-то? Чем прогневали царя-то? Ведь мирно живём. Как надо. Исправно, - уже разгневаннее кричали другие, наступая на него, - Ты же ведь здесь староста. Ты и решай про нас. Как так? Ты то, остаёшься, а нас куда-то. Сам-то что, не едешь? Нас всё гонишь.

- Нет, не должен наш народ жить на русской земле татаринном, исламом. Русские земли-то ведь это. Нам они достались после Чингизхана. Сами знаете. Врага далёкого и лютого. И кто знает, кто вы? Бунтари и всё. Не наши. Вот и другие люди говорят, что чужие вы, не наши, - пытался успокоить мужиков деревенский староста, который был назначен им же, народом, для решения всех их же проблем.

Бабы вой подняли. Сидят вдалеке и наблюдают за разговором. Нельзя им на глаза появляться-то. Платком глаза потрут и опять молчат. Голоса не имеют среди мужского разговора.

- И-и, что – й то мы делали такое, что нам нельзя больше жить-то здесь. Наш хлебушка, наш скот. Где это мы будем жить-то, далеко так?

Мужики в душегрейках и тюбейках подвинулись ближе к старосте, брови нахмурили, кулаки сжали, ругаются. Аллахом проклинаят его, старосту.

- Мы тебя здесь для чего ставили? Чтобы ты нас перед царём и губернатором защищал. А ты... - кричали одни.

- Ты нам скажи, почему это мы должны уехать отсюда? Вот ты же, грамотный. Всё знаешь. Обскажи нам, про эту саму грамоту-то, что

справный мужик привёз нам о ссылке.

Староста ушёл в дом и оттуда не появлялся, чем ещё больше разгневал татар.

- Ну, что мужики, делать-то будем? Не хотят мужики уезжать. Ой, что-то надумают ещё. Как бы ни пошли, на власть-то, - помолчал староста, посмотрел на всех, тревожно и когда вышел на улицу, отвечал уже тише, - Тише, вы, сказано, ведь. Кто не согласен с указом Царя Александра, тот будет отнесён к ссыльным и закован в кандалы, как бунтовщик.

Расходились мужики по своим домам, разочарованные. Ведь хлеба были здесь у них свои, ремёсла. Скот, резать его, что ли. Куда девать-то всё. Бунтовать! Решили мужики, бунтовать!

- Всех в катаргу! – прокричал пристав и махнул рукой на толпу, собравшуюся на сходе.

Он сидел и смотрел на старосту, который только и охал, что по поводу указа.

- Бусурмане и есть бусурмане. Для них же лучше делаешь, а они не благодарные всё нороят по-своему. По бусурмански. Уж сколько веков живут, как бандиты, так и менять свою жизнь не хотят. И чего этот арабский посол их смутил тогда. Жили бы русскими, ну этими, булгарами, и жили бы. А тут их опять, на веру другую, переделывай.

Пристав помолчал, поморщился, как от назойливой мухи, от привезённого указа жителям слободы и посмотрел на часы, доставая их из бокового кармана, подарок жены:

- А нам-то, что. Гони всех и всё.

Он закончил писать письмо своему начальству и пошёл к выходу.

Оглянулся на старосту, посмотрел на него, словно, хотел увидеть того подлеца, который не желал исполнять приказ царский.

- Ты сам-то как? Здесь ведь остаёшься. Ты же староста. Тебе и решать всё. Твоя слобода должна к осени вся перейти на православную веру. Уж не знаю, что это за указ, такой. Но раз царь приказал, надо исполнять. Политику нарушать! Вот я им, - и он погрозил в сторону бунтовщиков.

А взбунтовавшиеся мужики сошлись в одну кучу и к старосте, когда пристав ушёл в дом:

- Мол, измениться что-нибудь ещё? Может, не на всех царь разгневался. Посмотри в бумагах-то, всех что ли записал так, к православию или нет.

- Ну, что вы, мужики. Я же сказал, что пристав приехал не зря. Всех. Под одну гребёнку. Я ведь староста. Мне указ исполнять надо. Пошли, пошли. К себе идите. Вот дома и решайте, что вам делать, - и он пошёл назад в дом, где жил и провожал пристава.

- Добре, добре. Милый. В самый раз приехал. Вот теперь и будем жить по-русски. Это же надо же, что удумали. Ведь испокон веков эти земли нашими, русскими были. И надо же было, ему арабскому бусурману приехать на нашу сторону, подглядеть, что, да как. А сам-то писал, что белые люди живут тут. А сам грамоту к хазарам принёс в ислам их, веру, какую-то смутную заташил. Ох, и история.

Пристав махнул рукой, сел на колку и уехал. Только его и видели на деревне, татары.

Забунтовали татары, против царского указа и ничего не вышло у них. Только потеряли земли свои. Отказал им в наделах царский служащий.
- Пошли, пошли вон. Вам, чужакам верой и правдой служить надо было. А вы не слушаете никого. Вот и получайте своё. Не гневите меня боле.

Пошли, пошли.

И выгнали их из деревни.

Когда собирались, вою было. Бабы в плачь, пустились, дети орут. На телеги баб посадили и погнали в далёкий край. Так и ехали вёрст немало до далёкой и незнакомой Сибири. Каторжане – заключенные за телегами шли в кандалы заточенные. Бабы на телегах воют, о жизни на родных местах...

... Вот смотри, что Саркина дочь принесла. Нас что, теперь опять ссылать куда надо? И так тревожно с этой властью-то. Коммунисты дерутся не понятно с кем. Между своими. Глядишь, и зарежут, кого ещё или пристрелят, не дай аллаху. Хоть аллаха не поминай вовсе. Сразу в экстремисты засунули. На старости лет-то, - вздыхали старые бабки, сидя у Марзии и о новостях, принесённых Саркиной дочерью, рассуждали.

- А что, мы теперь не татары, что ли? А кто мы? Русские, что ли? Вот и дожили до новых времён. Теперь в церковь ходить нам что ли? А мечеть-то кому строили? А, это Шакировы болгары. А мы нет. Мы татары. Вот твоя, Саркина дочь, и пусть в церковь ходит. А мы по-старому, в мечеть. Мы ведь всё равно в доме молимся.

- Это же надо же, как давят на нас. Чуть что в Чечне или где забунтуют исламисты, так всех в одну кашу сваливают. Мы ведь не в Чечне. Вон смотри ты, Джихад какой-то придумали. А нам разве война нужна. Нас-то, что к китайцам отправят теперь, что ли?

Судили старые татары о своих бедах, поговаривали о том и о сём. Мечутся между русскими и не русскими, всем как будто, дорогу переехали...

- Сколько лет жили, и жили бы себе. А что, в Казани-то, как? Татар ещё не кончают.

- Так ведь, говорят в Казани – то и пишут учёные всё про это. Возродить Булгарию хотят. Не дают нашему татарину спокойно жить-то...

... - А что, и Магрифа была с ними, на телегах-то? – Рая посмотрела на ани и ничего не сказала. Она уже устала от постоянных расспросов Саркиной дочери о давно ушедших годах.

Хотя возрастом была чуть старше Аллы. Стояла и смотрела на неё, во дворе. И её взгляд как бы говорил: »Ну, ещё что, придёшь и скажешь, нам?«

Алла стояла и рассказывала-спрашивала старую оби о своей родне, о каком-то типе лица.

- Мы все не татары, - говорила Алла, - Я начала смотреть по интернету о татарах. Как они жили, кто они, меня заинтересовала одежда на Магрифе.

Она же ведь одевалась как дворянские особы в начале 20 века. И вот нашла. А я и тогда говорила, что на Волге живут болгары. И это правда. А мы получается не татары. Так как мы не похожи на татар. Я не смотрю на тех из моих родственников, которые родились уже в смешанных браках. С русскими. Магрифа ведь родилась в 1894 году. Она не похожа на татарку вообще. Может быть, она и правильно делала, что вела себя словно светская дама из дворянской семьи. Носила она жемчуг, ожерелье. Сейчас такая нить жемчуга стоит очень дорого, почти полмиллиона рублей и носят её на манер Королевы Англии Виктории. То есть викторианская эпоха. А у Магрифы все украшения были подобно светским дамам. Ну, она и была женою начальника Бодайбинских приисков. Жаль, конечно, что не приехал он за нею. Гордая и сама, не подала знака внимания его предвзятости к ней. Она же красивая была. Вот, я и говорю, мы похожи по типу лица, на понтийский тип. А этот тип вышел от скифов, или готов с Причерноморья. Вот отсюда и мы. У нас даже имена, Зигфрид, Рафаил, Равиль, Альфира и другие по происхождению от готов. Это чистые готские имена. Я написала всё на сайте на своей страничке, на проза.ру. Теперь все знают, кто мы и как состоим в родстве. Кто с кем родственник и как мы переплетаемся с Чемодановой тётёй Розой и Валишиной тётёй Флюрой. А вы, что, ругались-то, почему тогда? Когда я ходила к Шакировым. Ведь мы родня, кровная. Ну, только не татары мы. Да и Неля Бубнова мне сказала, что мы не татары.

Алла ещё постояла, поговорила о понтийском типе лица и пошла домой.
- Я отправила мелодраму Чёрный браслет на конкурс Международного Фонда ВСМ. Посмотрим, что оттуда придёт.

- Ладно. Посмотрим. Ну, Магрифа, действительно была замужем за начальником Бодайбинских приисков. Она всё с богатыми дружила. С семьёй Керимовых. Вот и на твоём снимке она с ними. Вот только никто, что-то не помнит его. Кто и кем он был, Керим-то. Но богатые они были все. Имели ремёсла. И Зайнуллины, Рашидка, тоже богатый был. Зажиточный татарин. Он кожевенное ремесло имел. Всё тулупы шил и сумки кожаные. А бабай, твой, Минихан-ка у купца работал. Вот, погоди, приказчиком. Он торговал в магазине, вон в том магазине, что по Мира. За аптекой в старом городе. Они яблоки с Манчжурии возили. В подвале всё держали, а потом продавали...

... - Минихан, пора, уже народ идёт. Продавать надо. Ты яблоки-то все достал.

- Все. А что, на прилавок-то вот эти духи и мыло выложить? Я всё записал в книгу. По порядку. Всё аккуратно. Здесь женские духи, пудра, туалетное мыло. Всю мануфактуру, что вы привезли. Когда теперь назад, в Манчжурию-то, ещё? Народ ещё яблочек требует. Хоть каждый день давай, - Минихан посмотрел на своего хозяина и улыбнулся.

Он хорошо знал, что хозяин ему доверяет и поэтому вёл все записи по приёмке товара аккуратно. Всё записывал, как полагается. Циферка к циферке. Так и работал у него, уже много лет. За его аккуратность и платил

хозяин ему хорошо.

Минихан вышел в зал магазина, посмотреть, всё ли выложил правильно на прилавок. Уже кое-кто стоял на улице. Ждал, когда откроют магазин.

Он знал, что дома его ждёт жена, уже молодая Хадыча.

Она была сегодня в гостях у отца. Он давно ждал её.

- Что, с мамой как? Всё нормально? А сестра где?

- Ушла куда-то. Что ей молодой, дома сидеть, что ли. Да и удержишь вас дома-то. Всё к подружкам ходите. Не знаю, когда придёт.

- Ладно. Я потом ей скажу, что хотела сказать. Не буду ждать. Меня дома ждут. Ну, ладно, я пошла. А то скоро Минихан придёт. Ждать его надо. А что, это Магрифа-то показала нам, брошь с синими цветочками какую-то? Кто ей подарил её? - хитро улыбнулась Хадыча, заглядывая отцу в лицо. Вдруг он знает, откуда она.

- Она уже приехала когда. Вот и брошь её оттуда. Он подарил. Любил он её. Но не знаю, как жили. Он свою работу любит. И не бросит её никогда. А она гордая. Не посмотрит ни на кого. Так и осталась одна, - отец посмотрел на дочь и вздохнул.

Он сожалел, что отдал дочь за Минихана. Она была, хоть и ни как Магрифа, менее красива, но всё же, он богат, а Минихан, что. Так себе. Когда ещё разбогатеет. Вот работает сам на купца, а своего дела не имеет. Мы-то хоть, немного что-то имеем. И уважение среди людей. А он. Так, прибивается к нам и только. Он ещё раз с сожалением посмотрел на дочь, хоть и знал, что сейчас, наверное, всех бедными сделают. По России шли беспорядки, продрозвёрстки. Вон уже и Хамзиных раскулачивать будут, наверное. Не избегут они этого. Как всё уберечь от дураков беспредельщиков. Сами голодные и нас делают таковыми. Вот и работай на них, дураков. Эх!

Хадыча вышла. Она не знала, что думает отец. Она вообще не вмешивалась в мужскую работу и разговоры. Мусульманкам нельзя было заходить даже на мужскую половину. А справляться о чём-то, навроде работы и по давню. Поэтому, она спросила его только о сестре и пошла домой, заторопилась к приходу мужа. Строг был Минихан. Положение в городе не просто было заработать. А он уже работал приказчиком в магазине. Имел кой, какие деньги. Мог себе позволить что-нибудь. Да и мужики смотрели на него уже не с высока, а на равнях.

Телега подкатила к магазину, на ней сидела баба. Видно было, что они из деревни, только что. Баба сидела и смотрела по сторонам, словно никогда не была в городе. Она была одета в платье-сарафан, коса закручена вокруг головы, на ногах были лапти, которые выглядывали из-под сарафана. Лето было в самом разгаре. И на улице было жарко. Дождя давно не было. Стояла суш. Деревья поникли. Листья висели, словно, опущенные их головы чего-то стыдились. К магазину подъехала телега, и из неё вылез мужик и направился к дверям.

- Что Вам, с угодно, с? – спросил Минихан входившего.

Мужик снял картуз, потрепанный и выдавший виды. Постоял немного,

потоптавшись у порога, и проямлил, оглядываясь по сторонам, словно его могли увидеть за постыдным делом.

- Дак, мне, это, мне бы гвоздѣв немного и верѣвки надо быть. Дом я строю.

- Счас, одну минуту-с, – продавец, ловко извернулся и насыпал гвоздей на весы, где по правую сторону стояли гири. Он насыпал гвоздей в бумагу и начал считать деньги.

- Три рубля, так. Вот ваши гвозди-с, - и подал мужику, что стоял возле прилавка.

Весь день светило жаркое солнце. По дороге проехали куда-то красноармейцы, весело распевая песню, про какого-то командира. Их лошади везли седоков и качали головами в такт шага.

Вот прошли две бабы, посудачили и пошли дальше. Денег видимо у них не было, чтобы зайти в магазин. Так и стоял Минихан с продавцом в магазине, весь день, поджидая посетителей. Точно так, как и сейчас, стоят продавцы за прилавками и ждут нас, покупателей, вот только, вежливого - счас, минуточку-с, вам-с, подам, всё, что вы пожелаете. Вам-с, от нас с вежливостью, и с новым приходом, господин, - раскланивались продавец и Минихан.

- Пора закрывать, уже солнце клонится на запад. Смотри, какой закат. Пыль хоть улеглась немного. А с Ангары ветерок уже прохладой веет, - сказал Минихан, выглядывая из дверей на улицу.

Он пошёл закрывать двери в магазине. Уже вечерело, и пора было закрываться.

Вернулся в магазин и встал за свой столик, начал подсчитывать выручку за день. Три, пять, ещё пять рублей, рубль.

- Да, сегодня хорошо поторговали. Хозяин будет рад.

Он шёл домой по улице. Никого впереди себя не видел. Точно вымерло всё вокруг. День был жаркий и поэтому, вечером, вообще никому вылезать на улицу не хотелось. Стояла жаркая тишина.

«Лишь бы продрозвѣрстка нас не тронула. Вон, опять куда-то поскакали коммунисты. Опять кого-то раскулачивать».

Дома он сел за стол, накрытый едой и начал ужинать.

Хадыча стояла на кухне, не выходя со своего места. Так положено вести себя женщинам мусульманкам.

2

- Минихан, а Минихан, беги быстрее, там коммунисты пришли, в магазин-то. Документы требуют, какие-то, - закричал в окно, прибежавший продавец.

Он был весь в поту. Лицо было испуганное. Он еле перевёл дыхание от неожиданного бега. Заглядывая в окно, он громко выругался на приехавших милиционеров.

- Что, ты кричишь? Сейчас. Вот только доем и пойду. И что это они, на ночь глядя. Не дают покоя ни днём, ни ночью. Ох, хо, хо.

Минихан посмотрел на жену, которая от испуга забежала за печь и молчала.

Он давно ждал милицию. Но как-то всё время эта беда обносила его стороной, как и других купцов. А тут, неожиданно, ночью, они нагрянули и уже копаются в магазине, как у себя дома.

- Беги к Хамзиным и отцу. Скажи, что они пришли, всё отбирать будут.

Минихан надел тюбетейку и пошёл в магазин. Его словно подмывало дать кому-нибудь в рожу. Столько лет хотел иметь своё положение у людей и... Кто теперь и уважать-то меня будет.

Он не сомневался в бумагах. Всё аккуратно, как всегда, он записал в амбарную книгу. Весь товар, что привёз его хозяин, был здесь. Ведь они будут искать и припрятанное. Но он не стал ничего прятать. Товара было и так мало. Что-то не удалось хозяину привезти всего того, чего он хотел. Так и торговал тем, что было. На прилавках было почти пусто. Только яблоки, да немного кое-какого товара из хозяйственного инвентаря.

«Как же я буду им давать что-то. Хозяина нет, - он испугался ещё больше, посмотрел по сторонам, потом вдоль улицы, перевёл дыхание и пошёл дальше, - Кто его знает, что он подумает. Мне он всегда доверял. А тут, как назло, его нет. И родственники его весь день крутятся, как помешанные».

- А, Миниханка, ничего не украл? Знаем мы вас, татаров. Где вы, там и нож, там и убийство. Э, - и он шутливо погрозил пальцем, - Кого-кого, а тебя мы знаем. Мы тебя и взяли к себе поэтому. Ведь как работать с кем-то? Ты всё хорошо знаешь. И доверить тебе можно. Как родной ты теперь, - говорили его родственники, приходя в магазин, - Торгуй, торгуй. Да, смотри, ничего не укради, - опять полушутя, полусерьёзно ответил родственник хозяина.

Они уходили, а он всё переживал, так ли это или не так: «Доверили, а ты думай всё время, да за продавцом следи. Вдруг этот шайтан упрёт что -нибудь, русский. Как это он, мог украсть у них. Денег получаю много, мне хватает. Что ещё надо».

Вот и пришлось обиду на их «оклики» далеко в душу прятать. Чтобы никто не видал её. Так и работал на хозяина много лет. Да тут ещё и отец Хадычи, спросит что, а сам всё на него смотрит, не врёт ли, а потом посмотрит ещё и говорит ему, словно он украл что у него, от его богатства: - Что-то ты Минихан, плохо о моей дочери заботишься? Никак не пойму, что это она не весёлая стала? Раньше как пташка по дому летала, а тут, как ни приду, всё время за печкой, да за печкой. Что по дому прибрать, так она у меня всё сделает, не то что другие. Смотри за нею. Ты теперь всё имеешь. А что было-то, у Халидке-то. Бедность. Кусок хлеба вечно надо добывать. Вон и девка-то твоя, как не родная ходит. И куда это ты столько детей-то нарожал? Теперь с ними нянчиться надо. А моей, Хадыче не до деток бы. Вот отпустишь её ко мне, домой, она и опять будет, как пташка летать, смеяться да веселиться, как принцесса. Куда ты теперь, свою Сарку-то денешь? Да и Рашидка у тебя, приёмная-то. Обуза они тебе. Равильку-то забрал, а он стервенец, не благодарный, Хадыча всё говорит,

что то то не так, то другое, не слушается сильно-то. Соплиносый мерзавец. Я вам хорошо помог.

Рашид, отец Хадычи, своих детей любил, но к детям Минихана относился с опаской. Мурза, как поговаривали многие в городе. Он и сам Минихан всё время твердил про свою дочь, Сара - не родная мне. Как будто отвязаться хотел, а сам к Хадыче бежит. С тестем чай пьёт. Он богатый, а я...

Минихан шёл к магазину, и всё время у него в голове носились мысли, что так рано у него отбирают нажитое скорбным трудом богатство. И что это так, всё от меня, да от меня. К Рашидке никто не едет. Он живёт как мурза, богато. Всё имеет. И дом, и богатство. А я, как не прикаянный. Мечусь между нескольких огней, и никто не поблагодарит даже. Халида как умерла, так счастье как-будто пропало. Да и с нею не особо счастье-то было. Отец, Ибрагим, строгий, ссыльный. Уже слепнуть начал. На каторгу прибыл и здесь остался. И что это им не сиделось, в Казани-то. Жили бы себе и жили. А тут, кто теперь с ним дружить-то будет, с зятем ссыльного каторжанина. Пятно на всю его жизнь.

Уже дойдя до поворота, он увидел милиционеров, которые сновали по всему магазину и уже что-то вытаскивали на улицу. Они не спрашивали никого. Заходили, как хозяева в магазин и брали всё-то, что им понравилось.

«Ох, так и до разорения недалеко», - думали все купцы, торгуя в своих лавчонках. И что, это, горлопанам этим, нищим, надо. Дармоеды, все, как один. Ничего сами не хотят делать, растить или торговать, а всё подавай им задарма. Сами бы попробовали хлеб растить. А то придут, как хозяева и всё забирают под гребёнку. Как своё.

Так думали, смотря на продразвёрстку, зажиточные татары, которые селились вдоль улицы Татарская и русские купцы, жившие по улице вниз, к Ангаре. Дома располагались вдоль улицы, спускающейся вниз, к красавице реке. Она, словно голубой гребень с алмазными гранями, огибала село Усолье. И её зелёная корона, на противоположной стороне, всегда светилась разноцветными камнями: рубинами, жемчугами, изумрудами.

Милиционеры закричали, когда увидели Минихана, который, спешил к ним.

- Ну, где хозяин-то? Мы за товаром приехали, что вы по списку должны были. Уже почти всё забрали. Вот здесь распишись, - и милиционер указал на какой-то листок.

Минихан расписался и сел на стул. И что теперь хозяин скажет? Без него нельзя было ничего отдавать.

Он сидел, тяжело переводя дыхание и опустив голову. Видно было, что ему тяжело. Он никак не ожидал, что милиционеры приедут, когда хозяин уедет в Манчжурию. Так и получилось. Теперь что будет?

Дома он лёг и спал до утра.

Солнце осветило весь двор. Весело защебетали воробьи. Хадыча уже

встала и кипятила самовар.

Минихан сел за стол и налил себе чаю. Мёд искрился янтарным блеском в пиале. Он долго пил чай и потом пошёл в магазин.

- А что, Магрифа вчера куда-то ездила? Она так похорошела. Молода и красива. Сына-то похоронила. Теперь, свободна. Как бы ни украли её. К ней и так парни липнут. Как мёдом намазана.

Разговаривали Минихан с продавцом в магазине, о своей бывшей родственнице.

- Ей бы мужа хорошего. И что это ему надо было. Остался там, где-то, а она здесь. Одна. Вот и расстались по пустяковому. И сына похоронила. Маленького. Ох, - только и вздохнул Минихан, вспомнив свою родственницу...

... Села Марзия тихонько на стул и молчит. А что скажешь. Давно всё было. Как сейчас помнит всё. Как будто я вчера была девчонкой и бегала с подружками вот здесь.

«А сейчас никого почти нет. Да и хор этот никто почти не хотел собирать-то. Одни, как будто мы и были. Что много лет назад, в далёком 18 году или 37. Сбежим с девчонками на Октябрьскую- Кирпичную и песни поём, смеялись Магрифа и Шамсинка, Кашафкина. Всё песни пели, плясали, в театре играли. Магрифа на диване сидит. Стройный стан, гордый взгляд. Смотрит на тебя и мурашки по телу бегут. И как это парни не украли её только тогда. Красивая была, умная. Наденет - юбку чёрную и блузку, всю расшитую цветами, сама ведь вышивала. Выйдет на сцену и песни наши татарские запоёт, так и льётся она по сцене. А Кашафка на мандолине ей подыграет или на гармошке. А то и на скрипке, нежную мелодию заиграет. Поёт скрипка со сцены, а мы здесь же и толпимся порой. Слушаем их, артистов-то наших. Тут и Ганикамал пройдётся - проплывёт. Весело отплясывая татарский танец. А что ещё вечерами-то в городе делать...

.. Днём Магрифа в артель уходит, шьёт там, а вечером в театр свой бегут, веселой гурьбой...

...А сейчас, Зигфридка, один всё бегаёт, бегаёт.словно мотылёк над цветком. Соберёт всех и ну, петь. А они, кто в лес, кто по дрова, смеётся Марзия, рукой машет, - Ничего не умеют. Вот если бы не Света, так бы и маялись, одни бы. Она поставит их, по голосам как надо, чтобы песни звучали, татарок, как любил их Зигфридка называть с Рафаилкой. И полилась песня по залу.

Марзия посмотрела в телевизор и продолжала:

- А, что там, говорить-то. Никому мы не нужны. Да и здесь, одни, как чужие. Словно птицы в полёте. Сцену дадут, и бежим песни петь. То танцы потанцуем, то споём. Глядишь, за оплату бы не сделали. Сами, говорит начальница, делайте всё. Сцену дам, а там сами всё и охраняйте себя сами. Никому не надо. Сколько Зигфридка плакал-то. Вот татарок собрал, а они ни туда, ни сюда. Как бы пели-то! Ох! Всегда я один, никто и слушать не хочет, ни о чём. Я ведь старый уже. И в мечети надо и здесь, везде успевать.

Марзия опять вздохнула, отпила глоток чаю и:

- Горевал Зигфрид, но всё же, опять бежали женщины в хор, на сцену и пели. И радовался он, словно маленький, чисто ему подарок купили какой...

... Маленький был. Что ему. Бегает, как все мальчишки и играет.

А вот Кашаф уже после школы бежит в избу-читальню. Надо газетки почитать неграмотным татарам.

- Я сегодня в школе был, узнал, что комсомолки наши, агитбригады собрали, будут татар грамоте учить, - говорит Кашаф в избе-читальне своим друзьям.

Сам в 34 году в татарскую школу пришёл. Днём детей учил, а вечером, с друзьями, в избе – читальне собирались.

- Давай, Кашаф, Чехова почитаем, поищем что-нибудь. Может быть, и спектакль, какой поставим. У него ведь много разных пьес. А ты нам на скрипке поиграешь. Красиво играешь, - девчонки забежали в избу и начали просить Кашафа о спектакле и на сцену взобрались, песни петь.

На улице луна звёзды собирает в своё лукошко, а тут песни слышно. Тихо вечерами на улицах было. Кто-то в администрацию бежит, а кто на работу, на весь день. А вечером, шмыг по улице в избу-читальню и песни петь. А то и в танцах зайдутся парни с девчонками. Гармошка так поёт в руках Кашафа.

- Смотри, Назим пришёл, - шепчет в плечо Магрифе Шамсийка. Вот он сейчас что-нибудь нам подскажет.

- Да, ну, что он подскажет. Мне Кашаф говорил, что мы по Чехову постановку ставить будем, - отмахнулась Магрифа от Шамсийки.

- Он тебе что, роли-то не дал ещё?

- Да, нет. Говорил что-то про Чехова, но молчал про роль. А кого мы ставить-то будем?

- Погоди, вон Кашаф пришёл. Сейчас узнаем.

- Ну, что, девчонки, что поиграем? Я вот пьесу вычитал, у Чехова. Душечка. Как вам? Пока читайте, потом посмотрим, кто кого играть будет. А сегодня Абдулла нам споёт. Абдулла, - он позвал своего друга Абдуллу, - Спой ты нам сегодня.

Абдулла, молодой абхазец, был женат на одной из родственниц Бориса Карымова. Уже много лет дружил с Кашафом, были, не разлей вода. Поэтому и пели всегда вместе и играли на сцене тоже. Но не обижал никого Кашаф, всем роли давал.

Девчонки сбились возле него и слушали, как песня далёких гор разливалась далеко за Ангару и улицу, Кирпичную. Высоко над рекой звучал его голос.

Луна закатилась за город, а мы начали расходиться по домам. Парни пошли провожать Магрифу. Но ещё горделивее её была Шамси. Она крутанула плечом и пошла к выходу.

- Ишь, ты, увела с собою Назим-ку. А я что, хуже её, - она посмотрела вслед Магрифе, которая ушла из избы-читальни с Назимом.

Её гордость не давала ей прямо подойти к нему. Она, такая же красивая, ни в чём не уступающая Магрифе, гордо смотрела на всех парней. Кому отказывала во внимании, а кого привораживала, словно ведьма. Парни также, как возле Магрифы, так и вились вокруг неё.

- Ну, хоть, соревнование устраивай между ними, - смеялись девчонки, порой заглядывая на их перетягивание парней, друг у дружки и заигрывание возле красавцев татар, - Кто кого?

Много судачили бабы-татарки о Шамсийке и Магрифе. А что им, красавицам-то нашим. Только и позаигрывать себе сейчас, пока молодые. А потом уже всё, поздно будет. Спихватишься, а не тут-то было.

- Магрифа, а Магрифа, это ты что ли? Не одна? Опять Шамсийку оставила одну... - весело смеялись девчонки и парни, обгоняя их по улице, и забегая в свои дворы.

Собаки лениво лаяли на приходивших домой своих жильцов. Звёзды уже поникли, под лунным светом, а молодые пары бродили по улице, где-то целуясь под деревьями...

... Сидели и молчали.

- И как же это мы теперь жить-то будем. Вот ты скажи, болгары – это кто? Они ведь про себя молчали много лет. А теперь, когда власть пришла новая, то опять объявились. И надо же. Мы теперь, это получается, не мусульмане. Только мечеть построили. А как же праздники, что в хоре, татарском показывают? А Гусиное перо? – Марзия смотрела на Алку и молчала уже больше.

Она то понимала, что столько лет жили, аллаху молились, свои праздники отмечали, по-татарски. Одежду тоже носили татарскую, платки повязывали как покрывало, на голову. Утром молились, в шесть утра. Все праздники и Рамазан и Курбан Байрам, наши были. А теперь мы болгары. Как же это? Только смуты много нанесли своими розысками да учёными. Ведь и, правда, сейчас жить и так тяжело стало, с этими-то властями. А тут и о национализме говорят.

- Ты вот послушай, кто мы были-то. Твой бабай Минихан приказчиком работал у купца. Яблоки продавали. Возили их из Манчжурии, мануфактуру разную. И с купцами из Иркутска торговали. Уж не знаю с кем. Но знали всё. Как купцы в Иркутске развивались. Что продавали. Вон сейчас и вещей у кого-то сколько осталось с тех пор. Сама ведь говоришь, что от Магрифы у тебя то то, то другое осталось. Она, и правду, красивая была. Но гордая. Он же к ней и не поехал. Где же это так делают? Мужчина не может против женщины без верха быть. Он главный в семье. Вот и решать ему всё. У мусульман ведь так. Что мужчина сказал, то женщина и делает. А Магрифа не такая вишь, была. Всё по-своему. Приехала, родила сына и растила одна. А ведь кто-то и в 30 году приехал-то сюда из Татарии. Так, уже переселенцы. Они не могли больше жить там. Притесняли, земель мало было. А веру они также, не избрали ихнюю, вот и поехали следом, но в 30 году сюда.

- Это не наши были,- говорю я, - Вы посчитайте, ведь Магрифа родилась

уже здесь, в Усолье. Она же умерла в 80 году, в марте. А прожила 86 лет. Значит, родилась в 1894 году. А это уже здесь, в Усолье. И Кашаф родился здесь в Усолье. Как же в тридцатом году Ибрагим-то приехать мог? Он здесь уже детей имел. Может быть, кто из других детей был? Мифтах ведь старший был. Значит, он и прибыл с отцом на каторгу. Может ещё кто? Ведь до Магрифы были и Халида, и Минджамал, и Миньямал. Так вот они и были с ним на каторге. Халида же умерла в 30 году. У меня на фото есть мамина мама, настоящая. Написано, 1930 год и на арабском языке написано всё. Мне тётя Аля, Абдрафикова, сказала, что Халида умерла от рака желудка. Я и сама знала об этом. Мама говорила. Ей же квасу дали и она умерла. А при раке желудка, правильно, нельзя квас давать. Из погреба достали и дали. Знали ведь, что болеет. Смерть ускорили и всё. Чтоб не мучилась. А кто узнает-то. А здесь, когда он остался на поселении, то и эти родились. Он же на Сользаводе, тётя Флюра сказала, работал на поселении. Там и ослеп. Он говорит на завалинке всё сидел, летом. А Равиля бабай взял к себе. У Хадычи рос. Ну и как рос-то? Обижала, наверное, Хадыча. Зачем ей приплод чужой? Своих, что ли не будет. Ведь они из зажиточных, Зайнуллины-то. Нравы построже. И денег побольше. На фотографии, что с Миниханом, Рашид стоит, взгляд какой. Гордый. Ханский. Мурза он и всё тут. Только титула не имел. И вашего тоже привезли, только двумя годами позже. Бектимирка-то золотом отплатился от каторги. Сам в Александровском центре сидел. А как отплатился-то. Сидел же ведь. Что-то странно, подумают люди про нас. Вот тут и правды нет. Скрываете что-то. Он же также за бунты сослан был. А от этого не отплатишься...

... Слободка стояла среди полей. Птицы по утрам летали, песни пели. Хлеб рос хороший. Поля богатые были.

- Только бы урожай не прозевать, - переживал Бектимир,- А то поля посожжет солнце-то. Ешь потом зимой то, что насобираешь.

- Бектимир, а Бектимир. Ты слышал, опять пристав приехал. Ссылать будет. Точно, я тебе говорю. Собирай свою семью-то. Далёко поедем, - зашёл к нему на двор местный татарин.

- А что, опять нас трогают, что ли? И чего это мы сделали такого, что он нас только и видит. Уехали ведь те же. После драки с ними. Всем дал, по жизни. А теперь нас собрался гнать. Запаятовал, по злобе что ли, о нас тогда-то. Вот и гонит нас. А других-то, что, не трогает? – он посмотрел на мужика и, озадачено и злобно, стоял и ждал, что ответит сосед.

- А что ему то. Видимо запомнил нас тогда. Вот и грозит всё время. Выгоню, орёт и всё тут. Так оно и получилось. Первый раз сошло с рук, а второй раз, нет. Погонит нас теперь. Те то уехали, в кандалах и нас также погонит. Всё припишет нам теперь. И за прошлое и за нынешнее. Вы теперь уж, сильно-то, не бунтуйте. Оно ведь как уже нынче. Царь приказал, надо значит, исполнять. А кто против его приказа пойдёт, то всё, кандалы и там. Давай, собирать народ будем. Что скажет народ-то. Ведь никто не хочет уезжать отсюда. Земелька тут наша. Да и хлеб на подходе.

Когда же убирать-то его. Ох, останется всё этим, голоштаным. На то видно и идёт всё, - заволновался сосед, забежал глазами по сторонам, видимо думая, что теперь он разбогатеет от Бектимиркиного хлеба.

Всё присмотрел у соседа и в доме, и во дворе. Богато жил татарин. Две жены содержал и детей кучу. На что же содержать-то было. Всё имел. И золото в монетах.

- А ты, что, думаешь, пристав-то просто так приезжает. Он ведь вынюхивает всё. Кто что говорит против царя, против указа. Люди –то вон молчаливые совсем стали. Все деревни объехал, служака. Всех присмотрел, кого первым, кого на потом оставить. Так, наверное, и первый раз было. А мы и не до поняли ничего. Ездит и ездит. А сам про нас всё собирает. Кто что говорит, кто как думает. Нет ли крамольных, среди нас. На бунты замахнувшихся. Всё к порядку в прошлый раз призывал, а сам подстрекал на бунт. Ты вот вспомни, он же всё говорил-то. Бусурманами нас обзывал. Чёрными и чужими. А теперь нас опять бунтовать придет. Ему надо по списку, наверное, к каторге кого. А может он присмотрел кого. Давай кого-нибудь подсунем ему. Пусть по каторге ещё кого отвезёт, по уголовке. В прошлый раз прошло ведь, - подмигнул сосед Бектимирке.

А сам уже глазами по двору так и стреляет, что бы ему после бунта прихватить себе во двор. Когда первую партию бунтарей сгоняли, многие татары себе нагребли их скарба.

Мол, всё побережём до лучших времён. Не бойся, говорили сами же и Бектимирка тоже. Сами их же сгоняли на сходку, и бунт затеяли и сами же остались на своих местах.

- Так ведь и теперь смотри, также сделаем? - подтолкнул Бектимирку сосед, - Ну, что, ты молчишь-то? Ведь прошло в прошлый раз. И теперь сойдёт. То сам их себе на работу брал и не платил вовсе. Что ты давал-то? Так, хлеба немного и всё. А тут на каторгу нам с тобою, что ли?

- Да посмотрим, что будет. Он ведь, пристав-то, ещё не приехал. Мы же не знаем, кого будет по списку вызывать. Может нас обойдёт, - Бектимир помолчал, надеясь на то, что может, нет их в списке согнанных за веру.

- А что он, пристав-то говорит, почему земля-то стала не татарская? – помолчав ещё минуту, спросил соседа Бектимир.

- А кто его знает. Всегда мы здесь жили, татары. А тут вот царю захотелось, чтобы русские земли стали. Им ведь виднее. Он царь. Он что захотел, то и делает. Слыхивал я, когда-то мой бабай говорил, что русские здесь жили. Давно. Много лет назад. Белые какие-то люди. Ты же сам видишь, что мы не все чёрные и на Чингизхана похожи. Во, наверное, и гонит нас царь отсюда, если веру не примем. Политика его такая. Значит, во всех стране русские земли увековечить. Чтобы русские земли видно было. А мы помеха ему. Вот нас и гонит. Против него мы идём, как захватчики, татаро-монгольские. Мы ведь с востока, как Чингизхан, пришли сюда. Вот он и гонит назад, на восток, на земли свои исконные. Там ваша земля, там и властвуйте.

И пошёл сосед к себе. Что и говорить. Не обойдётся в этот раз обман

людей...

... А он и приехал позже, Бектимирка. Денег давал, но не смог откупиться. И где же откупишься-то, после такого бунта. Как погнал всех пристав, да ещё с попом приехал. Они ведь татары сильно обозлённые были. Многие богатые татары, через своих слуг поработали. Не хотелось самим-то съезжать на земли далёкие съезжаться. Там и тепло в Татарстане. А когда погнал их пристав с попом, то тут-то и драки и война меж ними началась...

... Бектимирка, беги, пристав прибыл, тебя кличет, - пробежал под окнами сосед вчерашний.

Бектимир вышел на улицу и пошёл к центру. Там, где дом стоял, начальствующий, старосты. Пристав уже стоял на улице и вызывал по списку татар, которые не приняли веру православную.

- Так, я весь список вам прочитал. Вы теперь должны собрать своих родных и вещи кое-какие и завтра к утру быть на этом месте, возле дома старосты.

Он повернулся и пошёл в дом старосты, попить чаю с дороги.

- Смотри-ка ты, попа им привёз, а они и не желают веру принять-то. Как варвары себя ведут. Всё бы им на наших землях жить. Нашими полями обогащаться. Царь, он всему голова. Его приказ – закон.

- Что вы, дорогой, будут завтра они все, - а сам посматривает на окна, как бы ни влетело ему что-нибудь в окно, как сговорщику приставскому.

- Ох, и злой татарин нынче пошёл. Всё норовит себе пригрести, а людям ни медного, ни даст. Как бы что не удумали. Слышал я, что кое-кто собирается бунт поднять опять. Вы бы остались немного здесь, для усмирения бунта. Служивых бы своих пригнали, что ли. А то не ровен час и вас и меня снесут. Они ведь злые сильно, на то, что царь их гонит, не даёт жить на земле, где родились их предки. А до политики, они слабые. Не понимают ничего. Безграмотные. Им что скажут, верховоды, то и будут делать. Вот и сейчас, знается, мне, что верховоды, богатые, затевают что-то. Ох, не побили бы нас.

Староста сидел и говорил приставу о начинающемся бунте в деревне. А пристав молчал и пил чай. Он покраснелся и поп, рядом расположившийся, тоже выглядел не спокойным.

- Оно ведь, вам не положено жить здесь. Царь – он приказал, значит надо церковь слушать. Церковь главная, а вы нет. Вы на нашей земле должны быть православными все. Ведь только один бог есть - Иисус Христос. Ему мы должны верить. Он весь мир к себе призвал, и молиться ему надо. Его почитать. Он голова всем нам. А аллах ваш не бог. Его нет. Арабы не правильно установили ислам здесь. Царь посчитал, что русские земли нашими должны быть, значит действительно наши.

А сам всё по углам старостиного дома выглядывает, чтобы ему для церкви взять.

- Вот золото для церкви надо. Церковь процветать должна. А кто поможет как не вы. Вы и должны веру принять, чтобы церковь процветала на

нашей земле. И прихожан приводить, да и сами прибывать на службу. И милостыню давать убогим, да проходим. И церковь поддерживать. Христианство на всей Руси главное. Не богохульствуйте вы в вашей деревне против царя и бога. Не прогневался бы он на вас.

Староста молчал, а что он мог. Он ведь только староста в слободдеревне. Народ тёмный, безграмотный вовсе. Им ведь невдомёк, что это их стоняют вдаль далёкую на чужие земли и за что. Они историю не знают. Как жили много лет на этой земле их предки, а что было много веков назад, не знают. Вот и сейчас, вой стоял по деревне. Бабы орали, дети плакали, всю ночь мужики бегали по дворам. А уж что делали, не понятно было. Может и помогали кое у кого вещи припрятать, а может и сговаривались на войну с царским указом. Кто его знает. Одна ночь всему притворщица и сообщница. Луна светила над деревней, а в ней, самой, покоя не было вовсе. Собаки скулили. Бабы выли, мужики цыкали на них. А в этой суматохе может быть, кто и делал чего-то.

Бегал сосед, что к Бектимирке приходил, за землю свою постоять. А что толку-то. Наводнил смуту на пристава, а сам в кусты. Побегал, побегал по дворам, где уже собрались списочные к отъезду и утром опять к старостиному дому мужики пришли. Но грозные, глазами так блестят. С палками стоят, кричат:

- Открывай нам двери, мы решать пришли, кто это нам не даёт жить-то здесь. Что мы на наши земли пришли и командуем. Мы сейчас решать будем.

Вышел староста на двор, что возле дома и молчит. Видит, что настроены мужики серьёзно. Будет драка сейчас. Всех положат ведь. Хорошо, что ночью отправил пристав гонца, за подмогой. Бунт будет великий здесь. Давай помоги.

Но пришла подмога не сразу. Мужик давай ломать всё. На пристава пошли с попом. Драка завязалась сильная. Поп свалился на землю, а вокруг драка идёт. Пыль подняли. Бабы забились по домам. Не выходят...

пели, плясали, в театре играли. Магрифа на диване сидит. Стройный ста
, гордый взгляд. Смотрит на тебя и мурашки по телу бегут. И как это пар
ни не украли её только тогда. Красивая была, умная. Наденет -
бку чёрную и блузку, всю ра
и ицветами, сама ведь вышивала. Выйдет на сцену и песни наши татарские з
апоёт, так и льётся она по сцене. А Кашафка на мандолине ей подыграет и
ли на гармошке. А то и на скрипке, нежную м
дьяиграет. Поёт скрипка со сцены, а мы здесь же и толпимся по
рой. Слушаем их, артистов-то наших. Тут и Ганикамал пройдёт - проплывёт
. Весело отплясывая татарский танец. А что ещё вечерами-то в горо
де делать... .. Днём Магрифа в артель уходит, шьёт там, а вечером в
еатр свой бегут, веселой гурьбой... ...А сейчас,
фидка, один всё бегаёт, бегаёт.словно мотылёк над цветком. Соберёт
всех и ну, петь. А они, кто в лес, кто по дрова, смеётся Марзия, ру
кой машет, - Ничего не умеют. Вот если бы не Света, так бы и маялись,
одни бы. Она поставит их, по голо
ам как надо, чтобы песни звучали, татарок, как любил их Зигфридка назыв
ать с Рафаилкой. И полилась песня по залу. Марзия посмотрела в
телевизор и
оотжала: - А, что там, говорить-то. Никому мы не нужны. Да и здесь, од
ни, как чужие.словно птицы в полёте. Сцену дадут, и бежим песни
петь. То танцы потанцуем, то споём. Глядишь, за оплату бы не сделали.
Сами, говорит начальница, делайте всё. Сцену дам, а там сами всё
и охраняйте себя сами. Никому не надо. Сколько Зигфридка плакал-то. Во
татарок собрал, а они ни туда, ни сюда. Как бы пели-то! Ох! Всегда я
один,
кто и слушать не хочет, ни о чём. Я ведь старый уже. И в мечети
надо и здесь, везде успевать. Марзия опять вздохнула, отпила
глоток чаю и: - Горевал Зигфрид, но всё же, опять бежали женщины
в хор, на сцену и пели. И радовался он, словно маленький, чисто ему подар
ок купили какой... .. Маленький был. Что ему. Бегаёт, как все мальчиш
ки и играет. А вот Кашаф уже после школы бежит в избу-чит
альню. Надо газетки почитать неграмотным татарам. - Я сегодня
в школе был, узнал, что комсомолки наши, агитбригады собрали, будут
атар грамоте учить, - говорит Кашаф в избе-читальне своим др
ьям. Сам в 34 году в татарскую школу пришёл. Днём детей учил, а ве
чером, с друзьями, в избе – читальне собирались. - Давай, Кашаф,
Чехова почитаем, поищем что-нибудь. Может быть, и спектакль, какой
поставим. У него ведь много разных пьес. А ты нам на скрипке поиграешь.
Красиво играешь, - девчонки забежали в избу и начали просить Каш
афа о спектакле и на сцену взобрались, песни петь. На улице луна звёз
ды собирает в своё лукошко, а тут песни слышно
Тихо вечерами на улицах было. Кто-то в администрацию бежит, а кто на
работу, на весь день. А вечером, шмыг по улице в избу-читальню и пе
сни петь. А то и в

танцах зайдутся парни с девонками. Гармошка так поёт в руках Кашафа. - Смотри, Назим пришёл, - шепчет в плечо Магрифе Шамсийка. Вот он сейчас что-нибудь нам подскажет. - Да, ну, что он подскажет. Мне Кашаф говорил, что мы по Чехову постановку ставить будем, - отмахнулась Магрифа от Шамсийки. - Он тебе что, роли-то не дал ещё? - Да, нет. Говорил что-то про Чехова, но молчал про роль. А кого мы ставить-то будем? - погоди, вон Кашаф пришёл. Сейчас увидим. - Ну, что, девчонки, что поиграем? Я вот пьесу вычитал, у Чехова. Душечка. Как вам? Пока читайте, потом посмотрим, кто кого играть будет. А сегодня Абдулла нам споёт. Абдулла, - он позвал своего друга Абдуллу, - Спой ты нам сегодня. Абдулла, молодой абхазец, был женат на одной из родственниц Бориса Карымова. Уже много лет дружил с Кашафом, были, не разлей вода. Поэтому и пели всегда вместе и играли на сцене тоже. Но не обижал никого Кашаф, всем роли давал. Девчонки сбились возле него и слушали, как песня далёких гор разливалась далеко за Анга у и улицу, Кичиную. Высоко над рекой звучал его голос.

Луна закатилась за город, а мы начали расходиться по домам. Парни пошли провожать Магрифу. Но ещё горделивее её была Шамси. Она крутанула плечом и пошла к выходу. - Ишь, ты, увела с собою Назим-ку. А я что, хуже её, - она посмотрела вслед Магрифе, которая ушла из избы-читальни.

Ничего. Её гордость не давала ей прямо подойти к нему. Она, такая же красивая, ни в чём не уступающая Магрифе, гордо смотрела на всех парней. Ком отказывала во внимании, а кого привораживала, словно ведьма.

Парни также, как возле Магрифы, так и вились вокруг неё. - Ну, хоть, соревнование устраивай между ними, - смеялись девчонки, порой заглядывая на их перетягивание парней, друг у дружки и заигрывание возле красавцев татар, - Кто кого? Много судачили бабы-татарки о мейке и Магрифе. А что им, красавицам-то нашим. Только и позаигрывать себе сейчас, пока молодые.

А потом уже всё, поздно будет. Спыхватишься, а не тут-то было. - Магрифа, а Магрифа, это ты что ли? Не одна? Опять Шамсийку оставила одну... - весело смеялись девчонки и парни, обгоняя их по улице, и забегая в свои дворы. Собаки лениво лаяли на приходивших домой своих жильцов. Звёзды уже поникли, под лунным светом, а молодые пары бродили по улице, где-то целуясь под деревьями... Сидели и молчали. - И как же это мы теперь жить-то будем. Вот ты скажи, болгары – это кто? Они ведь про себя молчали много лет. А теперь, когда власть пришла новая, то опять объявились. И надо же. Мы теперь, это получается, не мусульмане. Только мечеть построили. А как же праздник и, что в хоре, татарском показывают? А Гусиное перо? – Марзия смотрела на Алку и молчала уже больше. Она то понимала, что столько ле

т жили, аллаху молились, свои праздники отмечали, по-татарски. Одежду тоже носили татарскую, платки повязывали как покрывало, на голову. Утром молились, в шесть утра. Все праздники и Рамазан и Курбан Байрам, наши были. А теперь мы болгары. Как же это? Только смуты много нанесли своими розысками да учёными. Ведь и, правда, сейчас жить и так тяжело стало, с этими-то властями. А тут и о национализме говорят. - Ты вот послушай, кто мы были-то. Твой бабай Минихан приказчиком работал купца. Яблоки продавали. Возили их из Манчжурии, мануфактуру разную. И с купцами из Иркутска торговали. Уж не знаю с кем. Но знали всё. Как купцы в Иркутске развивались. Что продавали. Вон сейчас и вещей у кого-то сколько осталось с тех пор. Сама ведь говоришь, от Магрифы у тебя то то, то другое осталось. Она, и правду, сивая была. Но гордая. Он же к ней и не поехал. Где же это так делают? Мужчина не может против женщины без верха быть. Он главный в семье. Вот и решать ему вс

мусульман ведь так. Что мужчина сказал, то женщина и делает. А Магрифа не такая вишь, была. Всё по-своему. Приехала, родила сына и растила одна. А ведь кто-то и в 30 году приехал-то сюда из Татарии. Так, уже переселенцы. Они не могли больше жить там. Притесняли, земель мало было. А веру они также, не избрали ихнюю, вот и поехали следом, но в 30 году сюда. - Это не наши были,- говорю я, - Вы посчитайте, ведь Магрифа родилась уже здесь, в Усолье. Она же умерла в 80 году, в марте. А прожила 86 лет. Значит, родилась в 1894 году. А это уже здесь, в Усолье. И Кашаф родился здесь в Усолье. Как же в тридцатом году Ибрагим-то приехать мог? Он здесь уже детей имел. Может быть, кто из других детей был? Мифтах ведь старший был. Значит, он и прибыл с отцом на каторгу. Может ещё кто? Ведь до Магрифы были и Халида, и Минджамал, и Миньямал. Так вот они и были с ним на каторге. Халида же умерла в 30 году. У меня на фото есть мамина мама, настоящая. На сано, 1930 год и на арабском языке написано всё. Мне тётя Аля, Абдрафикова, сказала, что Халида умерла от рака желудка. Я и сама знала об этом. Мама говорила. Ей же квасу дали и она умерла. А при раке желудка вильно, нельзя квас давать. Из погреба достали и дали. Знали ведь, что болеет. Смерть ускорили и всё. Чтоб не мучилась. А кто узнает-то. А здесь, когда он остался на поселении, то и эти родились. Он же на Сользавод

, тётя Флюра сказала, работал на поселении. Там и ослеп. Он говорит на завалянке всё сидел, летом. А Равиля бабай взял к себе. У Хадычи рос. Ну и как рос-то? Обижала, наверное, Хадыча. Зачем ей приплод чужой? Своих, что ли не будет. Ведь они из зажиточных, Зайнуллины-то. Нравы построже.

И денег побольше. На фотографии, что с Минихано, Рашид стоит, взгляд какой. Гордый. Ханский.

Мурза он и всё тут. Только титула не имел. И вашего тоже привезли, только двумя годами позже. Бектимирка-то золотом отплатился от каторги. Сам в

Александровском центральном сидел. А как отплатился-то. Сидел же ведь. Что-то странно, подумают люди про нас. Вот тут и правды нет. Скрываете что-то. Он же также за бунты сослан был. А от этого не отплатишься...

... Слободка стояла среди полей. Птицы по утрам летали, песни пели. Хлеб рос хороший. Поля богатые были.

- Только бы урожай не прозевать, - переживал Бектимир, - А то поля посожжет солнце-то. Ешь потом зимой то, что насобираешь.

- Бектимир, а Бектимир. Ты слышал, опять пристав приехал. Ссылать будет. Точно, я тебе говорю. Собирай свою семью-то. Далекое поедом, - зашёл к нему на двор местный татарин.

- А что, опять нас трогают, что ли? И чего это мы сделали такого, что он нас только и видит. Уехали ведь те же. После драки с ними. Всем дал, по жизни. А теперь нас собрался гнать. Запомню, по злобе что ли, о нас тогда-то. Вот и гонит нас. А других-то, что, не трогает? - он посмотрел на мужика и, озадачено и злобно, стоял и ждал, что ответит сосед.

- А что ему то. Видимо запомнил нас тогда. Вот и грозит всё время. Выгоню, орёт и всё тут. Так оно и получилось. Первый раз сошло с рук, а второй раз, нет. Погонит нас теперь. Те то уехали, в кандалах и нас также погонит. Всё припишет нам теперь. И за прошлое и за нынешнее. Вы теперь уж, сильно-то, не бунтуйте. Оно ведь как уже нынче. Царь приказал, надо значит, исполнять. А кто против его приказа пойдёт, то всё, кандалы и там. Давай, собирать народ будем. Что скажет народ-то. Ведь никто не хочет уезжать отсюда. Земелька тут наша. Да и хлеб на подходе. Когда же убирать-то его. Ох, останется всё этим, голоштаным. На то видно и идёт всё, - заволновался сосед, забегал глазами по сторонам, видимо думая, что теперь он разбогатеет от Бектимиркиного хлеба.

Всё присмотрел у соседа и в доме, и во дворе. Богато жил татарин. Две жены содержал и детей кучу. На что же содержать-то было. Всё имел. И золото в монетах.

- А ты, что, думаешь, пристав-то просто так приезжает. Он ведь вынюхивает всё. Кто что говорит против царя, против указа. Люди -то вон молчаливые совсем стали. Все деревни объехал, служака. Всех присмотрел, кого первым, кого на потом оставить. Так, наверное, и первый раз было. А мы и не до поняли ничего. Ездит и ездит. А сам про нас всё собирает. Кто что говорит, кто как думает. Нет ли крамольных, среди нас. На бунты замахнувшихся. Всё к порядку в прошлый раз призывал, а сам подстрекал на бунт. Ты вот вспомни, он же всё говорил-то. Бусурманами нас обзывал. Чёрными и чужими. А теперь нас опять бунтовать приедет. Ему надо по списку, наверное, к каторге кого. А может он присмотрел кого. Давай кого-нибудь подсуем ему. Пусть по каторге ещё кого отвезёт, по уголовке. В прошлый раз прошло ведь, - подмигнул сосед Бектимирке.

А сам уже глазами по двору так и стреляет, что бы ему после бунта прихватить себе во двор. Когда первую партию бунтарей сгоняли, многие татары себе нагребли их скарба.

Мол, всё побережём до лучших времён. Не бойся, говорили сами же и

Бектимирка тоже. Сами их же сгоняли на сходку, и бунт затеяли и сами же остались на своих местах.

- Так ведь и теперь смотри, также сделаем? - подтолкнул Бектимирку сосед, - Ну, что, ты молчишь-то? Ведь прошло в прошлый раз. И теперь сойдёт. То сам их себе на работу брал и не платил вовсе. Что ты давал-то? Так, хлеба немного и всё. А тут на каторгу нам с тобою, что ли?

- Да посмотрим, что будет. Он ведь, пристав-то, ещё не приехал. Мы же не знаем, кого будет по списку вызывать. Может нас обойдёт, - Бектимир помолчал, надеясь на то, что может, нет их в списке согнанных за веру.

- А что он, пристав-то говорит, почему земля-то стала не татарская? - помолчав ещё минуту, спросил соседа Бектимир.

- А кто его знает. Всегда мы здесь жили, татары. А тут вот царю захотелось, чтобы русские земли стали. Им ведь виднее. Он царь. Он что захотел, то и делает. Слыхивал я, когда-то мой бабай говорил, что русские здесь жили. Давно. Много лет назад. Белые какие-то люди. Ты же сам видишь, что мы не все чёрные и на Чингизхана похожи. Во, наверное, и гонит нас царь отсюда, если веру не примем. Политика его такая. Значит, во всех стране русские земли увековечить. Чтобы русские земли видно было. А мы помеха ему. Вот нас и гонит. Против него мы идём, как захватчики, татаро-монгольские. Мы ведь с востока, как Чингизхан, пришли сюда. Вот он и гонит назад, на восток, на земли свои исконные. Там ваша земля, там и властвуйте.

И пошёл сосед к себе. Что и говорить. Не обойдётся в этот раз обман людей...

... А он и приехал позже, Бектимирка. Денег давал, но не смог откупиться. И где же откупишься-то, после такого бунта. Как погнал всех пристав, да ещё с попом приехал. Они ведь татары сильно обозлённые были. Многие богатые татары, через своих слуг поработали. Не хотелось самим-то съезжать на земли далёкие съезжаться. Там и тепло в Татарстане. А когда погнал их пристав с попом, то тут-то и драки и война меж ними началась...

... Бектимирка, беги, пристав прибыл, тебя кличет, - пробежал под окнами сосед вчерашний.

Бектимир вышел на улицу и пошёл к центру. Там, где дом стоял, начальствующий, старосты. Пристав уже стоял на улице и вызывал по списку татар, которые не приняли веру православную.

- Так, я весь список вам прочитал. Вы теперь должны собрать своих родных и вещи кое-какие и завтра к утру быть на этом месте, возле дома старосты.

Он повернулся и пошёл в дом старосты, попить чаю с дороги.

- Смотри-ка ты, попа им привёз, а они и не желают веру принять-то. Как варвары себя ведут. Всё бы им на наших землях жить. Нашими полями обогащаться. Царь, он всему голова. Его приказ – закон.

- Что вы, дорогой, будут завтра они все, - а сам посматривает на окна, как бы ни влетело ему что-нибудь в окно, как сговорщику приставскому.

-Ох, и злой татарин нынче пошёл. Всё норовит себе пригрести, а людям ни медного, ни даст. Как бы что не удумали. Слышал я, что кое-кто собирается бунт поднять опять. Вы бы остались немного здесь, для усмирения бунта. Служивых бы своих пригнали, что ли. А то не ровен час и вас и меня снесут. Они ведь злые сильно, на то, что царь их гонит, не даёт жить на земле, где родились их предки. А до политики, они слабые. Не понимают ничего. Безграмотные. Им что скажут, верховоды, то и будут делать. Вот и сейчас, знается, мне, что верховоды, богатые, затевают что-то. Ох, не побили бы нас.

Староста сидел и говорил приставу о начинающемся бунте в деревне. А пристав молчал и пил чай. Он раскраснелся и поп, рядом расположившийся, тоже выглядел не спокойным.

- Оно ведь, вам не положено жить здесь. Царь – он приказал, значит надо церковь слушать. Церковь главная, а вы нет. Вы на нашей земле должны быть православными все. Ведь только один бог есть - Иисус Христос. Ему мы должны верить. Он весь мир к себе призвал, и молиться ему надо. Его почитать. Он голова всем нам. А аллах ваш не бог. Его нет. Арабы не правильно установили ислам здесь. Царь посчитал, что русские земли нашими должны быть, значит действительно наши.

А сам всё по углам старостиного дома выглядывает, чтобы ему для церкви взять.

- Вот золото для церкви надо. Церковь процветать должна. А кто поможет как не вы. Вы и должны веру принять, чтобы церковь процветала на нашей земле. И прихожан приводить, да и сами прибывать на службу. И милостыню давать убогим, да проходим. И церковь поддерживать. Христианство на всей Руси главное. Не богохульствуйте вы в вашей деревне против царя и бога. Не прогневался бы он на вас.

Староста молчал, а что он мог. Он ведь только староста в слободдеревне. Народ тёмный, безграмотный вовсе. Им ведь невдомёк, что это их стоняют вдаль далёкую на чужие земли и за что. Они историю не знают. Как жили много лет на этой земле их предки, а что было много веков назад, не знают. Вот и сейчас, вой стоял по деревне. Бабы орали, дети плакали, всю ночь мужики бегали по дворам. А уж что делали, не понятно было. Может и помогали кое у кого вещи припрятать, а может и сговаривались на войну с царским указом. Кто его знает. Одна ночь всему притворщица и сообщница. Луна светила над деревней, а в ней, самой, покоя не было вовсе. Собаки скулили. Бабы выли, мужики цыкали на них. А в этой суматохе может быть, кто и делал чего-то.

Бегал сосед, что к Бектимирке приходил, за землю свою постоять. А что толку-то. Наводнил смуту на пристава, а сам в кусты. Побегал, побегал по дворам, где уже собрались списочные к отъезду и утром опять к старостиному дому мужики пришли. Но грозные, глазами так блестят. С палками стоят, кричат:

- Открывай нам двери, мы решать пришли, кто это нам не даёт жить-то здесь. Что мы на наши земли пришли и командуем. Мы сейчас решать

будем.

Вышел староста на двор, что возле дома и молчит. Видит, что настроены мужики серьёзно. Будет драка сейчас. Всех положат ведь. Хорошо, что ночью отправил пристав гонца, за подмогой. Бунт будет великий здесь. Давай помоги.

Но пришла подмога не сразу. Мужик давай ломать всё. На пристава пошли с попом. Драка завязалась сильная. Поп свалился на землю, а вокруг драка идёт. Пыль подняли. Бабы забились по домам. Не выходят...

3

... Сидим и думаем, как же мы раньше жили. Выгнали из слободок всех, а куда им деваться – то? Вот почти все жили, как могли. Кого в тюрьму, если виноват, кого на поселение в село...

Чай остывал. Минихан пил крепкий чай. Дымок клубится над чашкой, сахар, на кусочки порезанный, лежит в сахарнице. Только и думай сейчас, что делать. А кто не хочет жить, тому, вон, страна огромная. Молчат больше.

- Кого тогда привезли? Помнишь? – спросил Кашаф. Он, молча, посмотрел на всех, - Ибрагим помнил всё. Как жить, сам не знал. Согнанных с запада много было. Селились, кто где мог. Сам остался на поселении. Разговоров-то было сколько. Только начало всё затихать, вдруг снова всё всколыхнёт. Люди сразу по дворам. Тихо... Это сейчас немного спокойно. В школе уроков много.

- Кого, кого. Сам-то помнишь, как было всё? Мы же с тобой когда познакомились? – ворчит Шамси, - Ты сам-то как жил и отец твой? Сам же знаешь. Сидите, вспоминаете. Смотри, чтобы тебя и здесь куда-нибудь не вмешали. Вот, знай потом обо всех. А мы, то, не боимся ничего?

- Да, ладно. Я так спросил.

А на улице тишина. Солнце светит. Небо, то грозное, как само время, в которое живём, то ласковое, светит ярко, особенно весной, когда только снег сходит и земля ждёт, чтобы её ухостили.

Утром телеги проезжали по улице. Мальчишки татарской стороны бегали, играли. Им что, детям, резвись, играй. А взрослые больше молчат. Так, иногда ответят и опять молчат. Телеги проехали мимо. На них мужчины, лица серые, сами в одежде, поношенной. Хмурые. А разве весело им сейчас? Опять кого-то пригнали или переселенцы.

Солнце за окном осветило всё вокруг. Чай уже почти остыл, а Минихан так и не знал, что будет дальше. Поселение, куда их привезли, было простое. Так, деревня. Река рядом. Леса много. Когда прибыли Ибрагим с семьёй сюда ему в пункте сказали:

- Много не говорили, когда привезли и сдали на пересылочный пункт. Вот

вам документы, по ним вы должны будете работать на солевом заводе и жить здесь.

Кашаф вздохнул и сидел молча. Всё то, что произошло на родине, он не поминал, а вспоминал рассказ отца, как кошмарный сон. Всю дорогу: осень ли, весна ли, лето, они шли за подводами,... женщин ехали. У кого были дети, тому предстоял не такой тяжёлый путь в Сибирь. Что за Сибирь? Думали они. Они никогда не были здесь и даже не слышали о ней. А теперь дорога, грязь,... дожди... бушевали над ними. Как они будут жить там?...

... - Но, пошевеливай!... – грозный окрик и взмах плети слышался постоянно. Конвой строгий, сопровождал их всю дорогу, иногда смена приходила на пунктах пересылок. Иногда они слышали, как выли бабы, кого отправляли в тюрьму. Вся дорога по Сибири, а это месиво на дорогах, смешанное с хлопьями снега осенью и заливающимся под дождём летом, нагнетало их. Кто-то попытался бежать, но его тут же настегали конвоируемые и тогда ему становилось ещё тяжелее. Мужчины шли пешком. Дождь хлестал по плечам, а солнце, которое выглядывало на протяжении всего пути, жгло так, что дышать было невозможно.

- Стой!... – грозный окрик остановил цепь телег. Кони остановились, и молча посматривали на людей. Видно было, что они устали не меньше людей. Глаза закрывались. Ноздри раздували пар, жаркий от тяжелого хода, находящихся в пути лошадей. Жадно припав к ведру с водой и долго, наслаждаясь чудесным питьём, лошади пили. Люди устало повалились наземь. Лежали тут же в грязи или на траве. Дождь не давал прятаться им в сухое место, а солнце пекло на густой траве.

- Эй, Ибрагим, ты куда отправлен? – спросил тёмный мужчина, одетый в такие уже растрёпанные одежды, то, что осталось от той, что была на родине, в Татарии.

- Не знаю. Не говорили ещё.

- Ну, да?... А мы куда же? – попытался спросить у конвоя он.

- Кого куда, мы сами не знаем. На пункте распределения узнаете. Кто сильно виноват перед царём, тот в тюрьму, кто по меньше, тот на поселение. А не всё ли равно вам. Вы же, как государственные преступники, что вам скажут, то и будете делать...

... За окном солнечные лучи уже касались ставен. Жарили, а в комнате было прохладно.

- А кто его знает, кого привезли тогда. Ты же в магазине работал. Ты и знал больше. Мы уже, когда приехали, а ещё везут и везут. Переселенцы то же прибывали. Вон, на той стороне Ангары, говорят, привозили и политических. Декабристы. И что им - то не сиделось? На царя пойти. Ведь всё имеют, а тоже, бунтовать. И как это мы не угробили кого-нибудь.

- Да, что ты, Кашаф, разве ж хорошо бы было это? Вы же сюда на поселение прибыли давно. Живёте, да ещё и дом имеете. А им в тюрьме тяжелее было. Мне рассказывали, что в Иркутске видели, как шёл по городу мужчина и никто не знал, что с ним. Но он был в тюрьме. В

Иркутской.

- Да, им тяжелее. А что мы сможем сделать?...

... Солнце покрылось серыми, хмурыми облаками. Ветер подувал, но идти по улицам города, старого Иркутска, было не просто. Мешал колючий ветер, завывающий на перекрёстках и за углами домов. Свет фонаря осветил одинокого путника. Вот он остановился, посмотрел по сторонам и пошёл...

Пошёл... А вот куда? Куда мог идти одинокий человек, потерявший свой дом, там далеко, в Татарии, где всё осталось... Осталась его жизнь. Начатая, как обычно, у обыкновенного человека, живущего своим хлебом и трудом. Он уже много раз подумал, правильно ли поступил тогда, когда прибыл пристав и зачитал список, тот длинный список, в котором он был под номером № ... и больше ничего не оставалось ему делать, как успокаивать своих родных и собираться в далёкий путь, в Сибирь.

- Пошевеливай ногами-то, - покрикивал охранник, страж, который работал в Иркутской тюрьме.

Мужчина обернулся, и... приклад ружья закрыл солнечный свет перед ним. Он уже несколько лет сидел, а за что и сам не знал. Жил и работал, как все. Может быть, даже учился. Но теперь он заключённый под номером №... и должен подчиняться приказам таких же, как и он охранников, которые, с грозными окриками шагали по бокам их колоны. Куда они шли? Кто им скажет об этом. Его дело – идти, и не дай боже, если он оступится и вдруг побежит. Но куда можно бежать из этого, дремучего села-городка Иркутска. Деревянные дома, лошади, везущие хозяев по улицам, веселящихся девиц, или просто шмыгнувших за переулок прохожего, который также боится, чтобы его не заметили и не забрали сюда... Сюда – это в Иркутскую тюрьму. А вот я иду по улице в колонне с такими же каторжанами, как сам. Рядом мужчина из далёкой Татарии. Он вообще поступил недавно и уже получил свой урок жизни, суровой, по-царски отмеренной за ошибки чьей-то истории. Он лишь только жил, верил, ходил в мечеть, а теперь, оказалось, что жил совсем не так. Он должен был жить и верить в христианскую веру, ходить, поклоняться в церковь. Так было записано в истории, много-много лет назад. Но он - то откуда мог знать, что там написано. Его родители и предки жили так же, как и он. Он мусульманин. Он же не был с хазарами много веков назад и не подписывал договор с Арабским Халифатом об Исламизации его земель, земель на его Волге – белой реке, где всю жизнь, которую он помнил, жили белые люди. А он – татарин. Так проложил начало его жизни прародитель, предок. Ему было лучше знать, почему он татарин.

Так и шёл он и человек, в «царской одежде» тюремного покроя...

...Манифест номер 11996 – Гафатулла Хисматуллин, год рождения хххх, выходи, - грозно, сухим голосом прочитал-выкрикнул пристав, заглядывая в бумагу от «царя».

Мужчины смотрели, стоя в шеренге напротив пристава. Пыль поднималась над улицей. Голуби разлетелись, испугавшись чего-то. Может

быть, их напугал грозный окрик пристава, что зачитывал манифест номер xxxx или события старого села, в который они прибыли на поселение. Жил себе, жил и на тебе, сменили его быт. Живи теперь здесь. Здесь, на сибирской земле тебе оставили небольшой надел, где ты сможешь завести семью или разместиться с той, которая пришла за тобой. Кошмары тюремного подземелья ушли в прошлое, но ещё не раз напомнят о себе. А ты живи. Вот всё то, что тебе оставил Александр 3 от своего Указа принятия церкви. Ведь, как поговаривали мужики в Татарии, что не миновать им ссылки. Ведь живём на не своей земле. Российские это земли. Царь всё равно по своему сделает. Так и получилось. Долго выли бабы по домам о ссылки, когда зачитал пристав им приказ. Дети напуганные выглядывали из-за печей. Страх не пускал их на улицу играть и бегать...
... Вот и прошло то лихолетие. Кануло в года, которые ушли во втянутые плечи и сгорбленные спины мужчин и женщин, зарубцевалось в раны на сердце и осело на загрубевших руках, которые много работали на земле.

А позже ещё не раз касалось их, после смены власти, горячих дней Ежовщины, походов Колчака по весям Сибири, продрозвёрстках красноармейцев и иногда весело улыбалось с каким-либо счастливым событием в семье, в селе...

... Сели на лавку во дворе и смотрели на деревья. Хорошо - то как! Сидели бы и слушали, как ветер шумит в листьях, как солнце щекочет их же, как трава, мягкая, стелется под ногами и самовар шумит угольками. Ибрагим молчит. Только искры от угольков вверх поднялись, посмотрел он на Кашафа и...

- Ты, Кашаф слышал, что Камиля замуж собралась?

- Да, нет. Кто же говорит сейчас. А что, уже?

- Да, они с ... всё по тёмным уголкам прячутся, любовь же. Гляди-ка, скоро свадьбу играть надо будет.

- Надо. Пусть калым принесёт, и будем свататься. А у него отец-то богатый? Что он-то скажет обо всём. Захочет ли такую невесту?

- Не знаю. Вот придёт она вечером, и спросим.

Замолчали, ждут, когда солнце на закат уйдёт. Камиля пришла и сразу спать. Молодые...

... Свадьбу играли, все веселились, а Ибрагим суровый был. Он из бедных, крестьянин. Где ему столько денег взять. Так и отдал свою девку за богатого. А тут Мифтах уехал в соседнюю деревню. Сам, говорит, жить буду. Вестей почти нет от него.

- А к нам-то не собирается он? – посмотрел на сына Ибрагим сквозь лучи солнца, - Всё работает. А мы как? Его тоже видеть хотим у себя. Сын пока ещё.

- А кто его знает. Миниханкин хозяин в Иркутск собрался. Что-то купит, наверное. А может ещё куда. У кожевников надо спрашивать. Они больше знают, где он бывает. Вон, Зайнуллины опять шкуры драли, шерсти много. К ним-то не ездит что ли кто?

- Мне не говорят. Что нас старых слушать? Может и скажет кто, когда у

отца будет. А Халида приходила?

- Нет. Опять хозяин уехал. Говорят, с Иркутским купцом каким-то торговался. Не знаю даже. Ой, а что в Иркутске делается... Ведь прибыла, - уже почти шепотом и, оглянувшись на окно, говорит Кашаф, - В Иркутске-то слух, ходил, какой... Говорят самого, ну, царя,... дочь нашлась. От Романовых. Их-то убили всех, а она осталась.

- Как осталась? Не может такого быть. Ты хоть правду узнал? Люди могут наговорить.

- Да, нет. Правда. Она с конюхом убежала. Полюбили они друг друга. Цыган он был. А ей нельзя было за него. Охранка сколько не ловила, ничего не получилось.

- Ну и что теперь... они? Как жить будут?

продолжение следует...

Информация по семье Романовых – царя России

В начале 20 века в Петербурге в семье Романовых была дочь. Полюбила конюха и бежала с ним. Долго скрывались от Романовых и охранки. В Иркутске появились до революции. Она – является прабабушкой Татьяны ... Муж был похож на цыгана. История правдивая. Но, эта история как обычно умалчивалась от прессы и семьи Дома Романовых все годы. В настоящее время много людей называют себя потомками и одной из ветвей Дома Романовых. В предместье Марата, в 70 годах, жила женщина. Жила бедно, но у неё были фото семьи Романовых, на которых она узнавала и показывала себя. У неё было много драгоценностей, картин, вещей семьи Романовых, которые украли.

Автором использованы истории жизни татар - родственников и нет, по рассказам своей матери - Сагадат Минихановны - Кашафовны Абдрахмановой - Хисматуллиной - Плотниковой, Ганеевой Марзии Мусаевны(умерла в 2013 году), Розии минихановны Зайнулиной - Чемодановой и Абдрафиковой Альфии Шамильевны. Род Хисматуллиных насчитывает 3000 человек(умерших и живых) с конца 19 века — 1877-1891 годов.

макет и вёрстка: Альфира Ткаченко
редакция и корректура: Альфира Ткаченко
рисунок: интернет(бесплатно)
электронная книга издана на студии
Фаракон-Ник представляет
Самиздат

г. Усолье-Сибирское — Москва

2017 год